

Научная статья
УДК 32
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-2-20-19
EDN VTMO SO

**Борьба с пенияфобией как примером деструкции
в общественном сознании АТР в дискурсе цифровой дипломатии**

Маргарита Дмитриевна Лагуткина^{1✉}, Чжан И², Чанг Тхи Тху Хуонг³

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН им. П. Лумумбы, г. Москва.

²Аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, г. Москва.

³Кандидат филологических наук, заведующая кафедрой практики русской речи, Вьетнамский национальный университет, Вьетнам, Ханой

¹lagutara@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-2830-6274>

²435359751@qq.com, <https://orcid.org/0009-0008-2711-010X>

³khuongtrangkn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2532-4058>

Аннотация. Современная гибридная лингвоментальная информационная война массированно использует продвижение деструкции в массмедиа как инструмент негативной «мягкой силы» в дискурсе цифровой дипломатии недружественных стран, направленном против Китая, Вьетнама и России, как ключевых игроков на геополитической арене Юго-Восточной Азии. Западные геополитические противники в своем дискурсе делают акцент на пенияфобии (боязни нищеты). Пенияфобия является одним из базовых страхов человека, поскольку связана с обеспечением эффективной жизнеспособности человека и человеческой цивилизации в целом. Авторы относят пенияфобию к одной из общечеловеческих социальных стигм, влияющих на социально-политический уклад и культуру того или иного сообщества. Дискурс цифровой дипломатии нацелен на активное использование открытой публичной интернет-коммуникации для мягкого управления общественным сознанием. При этом муссирование тем финансовой несостоятельности, грядущих экономических кризисов, недостаточной продуктовой обеспеченности и неизбежного голода, негативных последствий международной трудовой миграции и плачевного состояния трудовых рынков достаточно быстро формирует протестные настроения в обществе, трансформируя социальные воззрения на культуру денег, продовольствия и потребления еды. Информационные вбросы тем пенияфобии используют сценарное моделирование в усилении представления потенциально опасных тем в массмедиа России, Вьетнама и Китая. В статье оцениваются манипуляции общественным сознанием в ситуации пандемии, осложненной психолого-информационным противостоянием Востока и Запада, а также западными социально-экономическими и политическими санкциями в связи с

© Лагуткина М. Д., Чжан И, Чанг Тхи Тху Хуонг, 2024

российско-украинским конфликтом. Современная социальная культура актуализировала особенности представления информации с использованием цифрового формата и последующим декодированием, что повлияло на социальную динамику в целом.

Ключевые слова: пенияфобия; страны АТР; манипуляция; общественное сознание; социальная стигма; деструкция; психолого-информационная война

Для цитирования: Лагуткина М. Д., Чжан И, Чанг Тхи Тху Хуонг Борьба с пенияфобией как примером деструкции в общественном сознании АТР в дискурсе цифровой дипломатии // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 2 (20). С. 19-40. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-2-20-19>. <https://elibrary.ru/VTMOSO>.

Original article

Coping with peniaphobia as a form of destruction in the APR public consciousness in the digital diplomacy discourse

Margarita D. Lagutkina¹✉, Zhang Yi², Chang Thi Thu Huong³

¹Candidate of philological sciences, associate professor at the department of foreign languages, faculty of philology, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow.

²Postgraduate student at the department of foreign languages, faculty of philology, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow.

³Candidate of philological sciences, Head of the department of Russian speech practice, Vietnam National University, Vietnam, Hanoi

¹lagutara@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2830-6274>

²435359751@qq.com, <https://orcid.org/0009-0008-2711-010X>

³khuongtrangkn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2532-4058>

Abstract. Contemporary hybrid linguamental information warfare is massively using the promotion of destruction in mass media as a tool of negative “soft power” in the discourse of unfriendly countries' digital diplomacy directed against China, Vietnam and Russia as key players in the Southeast Asian geopolitical arena. Western geopolitical opponents emphasize peniaphobia (fear of poverty) in their discourse. Peniaphobia is one of the basic human fears as it is related to the effective human viability and human civilization as a whole. The authors categorize peniaphobia as one of the universal social stigmas that influence the socio-political pattern and culture of a community. The digital diplomacy discourse aims to actively use open public Internet communication to softly manipulate public consciousness. At the same time, the topics of financial insolvency, impending economic crises, insufficient food supply and inevitable hunger, negative consequences of international labor migration and the deplorable state of labor markets quite quickly form protest moods in society, transforming social views on the money, food and food consumption culture. Information throw-in topics of peniaphobia use scenario modeling to enhance the presentation of potentially dangerous topics in Russian, Vietnamese, and Chinese mass media. The article assesses the manipulation of public consciousness in the pandemic situation, complicated by the psychological-

informational confrontation between the East and the West, as well as Western socio-economic and political sanctions in relation to the Russian-Ukrainian conflict. Modern social culture has actualized the specifics of presenting information using digital format with subsequent decoding, which has affected the overall social dynamics.

Key words: peniaphobia; APR countries; manipulation; public consciousness; social stigma; destruction; psychological and information warfare

For citation: Lagutkina M. D., Zhang Yi., Chang Thi Thu Huong Coping with peniaphobia as a form of destruction in the APR public consciousness in the digital diplomacy discourse. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 2(20): 19-40. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-2-20-19>. <https://elibrary.ru/VTMOSO>.

Введение

Человеческая цивилизация стремится задать вектор кластеризации людей, предметов, объектов, явлений с точки зрения моральной и материальной выгоды, придавая формат стигматизации одних феноменов (как то, болезни, нищета, травмы, войны, старость, сиротство и т. п.) и формат желательности и приоритета других явлений (например, молодость, здоровье, богатство и т. д.), что так или иначе влияет на культуру в обществе.

Цель данного исследования состоит в выявлении особенностей пениафобии (боязни нищеты) как деструктивного социокультурного феномена с определением её места в процессе культурогенеза в странах АТР, что формирует предпосылки для дальнейшей эволюции культурологической теории по выработке целостного представления о функционировании социокультурного регуляторного механизма «богатство – бедность» в общественном сознании с позиций цифровой дипломатии. Следует отметить, что цифровая дипломатия является но-

вым направлением в лингвистике [Ху Дзядун, 2020; Цветкова, 2020].

Поляризация сама по себе создает дихотомию в обществе, позволяя обозначать деструкцию как необходимость развития человеческого общества [Борисова, 2007; Galvani et al., 2016; Chandrappa, 2021]. При этом, как правило, упускается из виду, что деструкция выступает, как социокультурный и психолингвистический маркер реализации виктимности под влиянием антиутопической философии [Галиева, 2013; Репринцев, 2013; Vyselko, 2022], приводя в итоге к трансформации различных форм идентичности в сторону девиации, разрушая основы личности и социума.

В стратегиях общения человеческой цивилизации вербальная агрессия является одним из ведущих способов достижения сугубо прагматических целей на основе демонстрации «права сильного», что относится к архаичной коммуникации, сложившейся в эпоху становления человечества. В этой ситуации цифровая дипломатия активно используется для дискредитации геополити-

тического образа идеологического противника, привлечения на свою сторону соратников и общественной поддержки.

Конструирование действенного механизма экспансии «языка вражды» с помощью масс-медиа отразило новые социокультурные реалии в мире сразу же после завершения Первой мировой войны, актуализировалось в период Второй мировой войны, поступательно развивалось в информационных войнах (СССР – США, Китай – Япония, США – Вьетнам, Россия – Запад, Китай – США и т. д.). Это в целом создало уникальные вербальные способы противодействия деструкции, насаждаемой инициаторами «цветных революций» [Сундиев, 2016].

Сама деструкция является сложным социокультурным феноменом, эксплуатирующим константы традиционного мироощущения. Нельзя не признать, что отдельные проявления деструкции, как разрушения норм в обществе, рассматривались исследователями в аспекте изучения проблем аутоагрессии и самоубийств, терроризма и экстремизма, наркомагии и игромании. Как правило, деструкция и проблемы позитивной идентичности личности становятся объектом пристального внимания психофизиологов и психиатров, генетиков и биологов, историков и социологов, политологов и юристов, культурологов и лингвистов [Ефремова, 2012; Копцева, 2013; Магомедов, 2020; Пугачев, 2014; Трошин, 1999]. При этом те или иные прояв-

ления деструкции связаны с более широким пониманием самого механизма разрушения нормы [Karabulatoва, 2021; Рябченко, 2021; Сундиев, Смирнов, 2016; Трошин, 2019; Хуонг Тхи Тху Чанг, 2023].

Сегодня обостряется дихотомия «богатство vs. нищета» в общественном сознании, поскольку материальное расслоение гипертрофированно подается через средства СМИ, обостряя кризисные явления «великого разрыва», проявляющегося в виде усиления воздействия информационных атак постправды в освещении вопросов социально-экономической и геополитической стабильности в тех или иных странах.

Материалы и методы

Для данного исследования материал получен методом сплошной выборки из интернет-источников России, Китая, Вьетнама, находящихся в открытом доступе, и проанализирован с применением традиционного научно-аналитического инструментария.

Статьи по пенияфобии были взяты нами из таких источников, как «Русские.онлайн», tjournal.ru, «Международный антикоррупционный портал», «Радио Свобода», «Московский комсомолец», «Новости Вьетнама», Vietnam+, «Fishki.net», «Комсомольская правда», «Лента.ру», «ИноСМИ», «Coura.com», «Регнум.ру», «Женьминь жибао», «Новая газета», «Москва24», «ЭКД!», «Новости Синьхуа». В рамках исследования всего проанализировано свыше 300 статей.

Анализ пенияфобии представлен в сопоставительном ключе деструкции в современном массмедийном дискурсе, реализующемся в пространстве стран АТР (Вьетнам, Китай и Россия) и отражающем политику стран содружества в отношении богатства/бедности, экономики и финансов, голода и сытости.

Временные границы для рассмотрения пенияфобии определены нами, как 2011–2024 гг. Начало второго десятилетия XXI в. было выбрано в связи с тем, что в этот период интересующее нас явление стало предметом научного осмысления исследователями [Зарубина, 2011]. Начало третьего десятилетия XXI в. ознаменовалось резким всплеском публикаций в СМИ на тему финансового благополучия, нищеты, голода в связи с пандемией коронавируса, западных санкций против России и т. п. Массированные лингвотоксичные публикации стали подтверждением развития понятия «социопсихической эпидемии», введенного в культурологические исследования А. А. Трошиным в контексте общей теории социальной деструкции [Трошин, 2019].

Методы современных медиаисследований и исследований цифрового пространства, методы исследования процессов формирования и трансформации различных форм идентичности стали доминирующими подходами в нашей работе. Прежде всего, это исследования культурных практик М. де Серто [Серто, 2013], М. Мафессоли [Ма-

фессоли, 1991], теория социального поля П. Бурдьё [Бурдьё, 2013], мультимодальные методологические подходы к изучению виртуальной подвижной множественной идентичности [Karabulatova, 2021; Копцева, 2013; Татарко, 2014]. В аспекте анализа процессов социокультурной идентификации мы опирались на исследования в области социальной идентичности, методологию которых разрабатывали Б. Андерсон [Андерсон, 2016], А. Аппадурай [Аппадурай, 2021], В. Н. Денисенко [Денисенко, 2016], А. Goldstein [Goldstein, 2021], В. И. Карасик [Карасик, 2021], Е. Н. Молодыхенко [Молодыхенко, 2017], а также на методы социологии культуры П. Л. Бергера и Т. Лукмана [Бергера, 1995], П. Бурдьё [Бурдьё, 2013], Т. М. Гончаровой [Гончаровой, 2016], В. М. Коровина [Коровина, 2014], О. В. Поповой [Поповой, 2018], Н. Н. Кошкарковой и Н. А. Руженцевой [Кошкарковой, 2019] и др.

Эмпирические исследования базировались на апробированных гуманитарных методах контент-анализа, лингвокультурологического анализа данных опросов, психолингвистического анализа поведения пользователей в социальных сетях и в комментировании публикаций СМИ, анализа профилей в социальных сетях с ограниченным применением методов социальной психологии, лингвистических методов оценки поляризации мнений, семного анализа, критического дис-

вербальных маркеров социокультурных мишеней.

Под деструктивной мы, вслед за Ю. Н. Сорокиным [Сорокин, 2003], понимаем некую заложенную автором аномалию текста, которая включает в себя компонент семьи разрушения, агрессии, наказания, гнева, возмущения, вовлекая реципиента такой информации в драматический конфликтный треугольник Кармана «жертва – преследователь – избавитель» [Демидова, 2017]. Например: «Человечеству предрекли голод библейских масштабов: что ждет Россию. Вирус оставит большинство людей без еды» (Московский комсомолец, 20 апреля 2020); «Виновата не Россия, а вы! Экономист Джон Росс раскрыл истинные причины надвигающегося голода» (Tsargrad.tv, 27 мая 2022) и др.

Исходя из этого, деструктема в дискурсе цифровой дипломатии – это не просто текстовая аномалия, но средство мягкого формирования девиантного поведения у реципиента, который так или иначе вовлекается в конфликт с последующим неизбежным возмездием. В связи с этим возможно предположить, что деструктема сама по себе содержит в себе элемент семьи наказания/возмездия, явного или скрытого. Например: «Миру готовят сразу несколько новых сюжетов апокалипсиса» (Взгляд, 28 мая 2022).

Не случайно деструктивное поведение вызывает ответную агрессию, которая является репрессив-

ным элементом социальности, реализующимся через медиадискурс, невзирая на заведомую провальность такой коммуникативной стратегии. Например: «“На второй день начался апокалипсис” Протесты в Казахстане, погромы и захват аэропорта Алма-Аты глазами русских очевидцев» (Lenta.ru, 12 января 2022).

Сама дихотомия по оси «богатство – бедность» относится не только к оценке экономического состояния страны, но и социально-политических общественных настроений, поскольку удовлетворенность своим уровнем доходов связана с чувством комфорта и благополучия, ощущением счастья. Не случайно, Финляндия занимает по уровню ощущения счастья первое место в мире уже пятый год подряд, демонстрируя при этом также высокие показатели по таким параметрам, как отсутствие коррупции, уровень ВВП на душу населения, гарантия занятости, уверенность в завтрашнем дне, социальные льготы и поддержка, ожидаемая продолжительность жизни. При этом Россия стала занимать в 2022 г. лишь 80 позицию, спустившись вниз на 6 позиций по сравнению с 2021 г. (Данилов Д. 100 самых счастливых стран мира: рейтинг 2022 года, место России, Рейтинги & Новости. 100 самых счастливых стран мира: рейтинг 2022 года, место России. URL: top-rf.ru (дата обращения: 04.06.2024)).

Ассоциаты облака понятия «нищета» ярко окрашены негативными значениями, воспринимаясь отрицательно носителями языка. Это связано с тем, что, как правило, при освещении тем нищеты, бедности используется вербальная агрессия, что хорошо прослеживается в периоды пандемии коронавируса (2019–2022), внутриказахстанского социально-экономического конфликта (январь 2022 г.), российско-европейского противостояния на Украине (начиная с февраля 2022 г.). Например: *с голым торсом на паровоз, околоннулевые цены, нефтяной шок и пустые полки, путинское повышение по Байдену, голод-2022; звуки урчащих желудков, мрачное пророчество Трампа, бьют по карману, орки воруют унитазы и пасту «Нутелла»* и др.

Публикации с этими темами носят яркий оценочный характер с целью привлечения внимания. Например: *«Голодные игры: может ли человечество столкнуться с нехваткой еды из-за COVID-19»* (Москва24, 20 апреля 2020 г.); *«Стало известно о массовом голоде среди детей из-за пандемии»* (Lenta.ru, 28 июля 2020); *«Мир ждет «катастрофический голод», какого не было со времен Второй мировой войны»* (Комсомольская правда, 21 мая 2022); *«Во Вьетнаме начинается массовое банкротство турфирм и авиакомпаний: даже Vietnam Airlines идёт ко дну»* (Все новости Вьетнама, 18 июня 2021); *«Черные дни:*

Смертельный коронавирус ударил по китайской экономике. Теперь под угрозой весь мир» (Lenta.ru, 06 февраля 2020); *«Шанхай на грани голода: новый локдаун привел к ужасающим последствиям. Люди вынуждены побираться у соседей»* (Московский комсомолец, 20 апреля 2022), *««Спасите нас!» Перевод заблокированной в Китае статьи о проблемах с продовольствием в закрытом Шанхае»* (ЭКД, 09 апреля 2022) и др.

Сюда также можно отнести транслирование фейков и слухов о том, что якобы российские солдаты массово вывозят шоколадную пасту «Нутелла», бытовую технику с территории Украины, в экспрессивных образах формируя паниафобию у целевой аудитории. Например: *«Украина: Помогите!!! Россия у меня унитазы и “Нутеллу” ворует!»* (Fishki.net, 24 мая 2022).

В то же время китайские СМИ продвигают образ сильного Китая, сумевшего победить бедность и нищету. Например: *«Как Китаю удалось полностью победить нищету»* (Regnum.ru, 26 февраля 2021); *«“Китайское чудо”: страна, победившая бедность»* (Комсомольская правда.KZ, 05 февраля 2021); *«Си Цзиньпин торжественно заявил: Китай одержал всеобъемлющую победу в борьбе с бедностью»* (Синьхуа, 25 февраля 2021).

Одномоментно с этим распространение слухов о грядущем обвале всей финансовой системы провоцирует у населения стремление

закупить максимально возможные запасы продуктов и т. п. Среди популярных запросов в сети «Яндекс» в мае 2022 были следующие: «Скупают все прокладки», «скупают всю гречку», «скупают весь сахар», «скупают всё в Турции», «скупают всё в аптеках», «доллар больше не будет расти», «евро больше не будет продаваться в России» и т. п.

Психолингвистическими маркерами, репрезентирующими речевую деструкцию в дискурсе цифровой дипломатии, являются:

1) «говорящие» имена (типа: *Гитлер*, *Чаушеску*, но *Путлер*, *Лукашеску*), которые приобретают свойства номинализации при обозначении конкурентов;

2) словосочетания с предлогом за (или с применением выражения «в поддержку») в сочетании с последующим отрицанием чего-либо/кого-либо (например, *За экономическую свободу – против произвола!* (*Русские онлайн*, 16.06.2021); *В Казахстане проходит согласованный митинг в поддержку Украины и против российской агрессии* (*tjournal.ru*, 06.03.2022);

3) негативно-оценочная лексика: *Москва готовилась к жизни в осажденной крепости последние 8 лет; Санкции Запада против России уже бьют по Казахстану* (*Караван.KZ*, 07.03.2022); *Выбор Фургала губернатором края является «кидаловом»*, он должен был быть спойлером (*tjournal.ru*, 15.07.2020); *Аналитики уверены, что это дело указы-*

вает на разгул коррупции во Вьетнаме (*Международный антикоррупционный портал*, 10.09.2017) и др.

По психометрической типологии Томаса-Килмена [Кардашина, 2016] деструкция в этих стратегиях конструируется за счет акцентуации конфликтной коммуникации: «Путин, Гаага, тюрьма!» и «Токаев, не молчи!». *В Алматы прошел масштабный митинг против военной агрессии России* (*Радио Свобода*, 06.03.2022).

Несмотря на объявление типологии Томаса-Килмена неэффективной, расшатывание психоэмоциональной сферы реципиента через «оценочные качели» активно работает на усиление деструктивных элементов в сознании целевой аудитории.

Дискуссия

Большинство работ по анализу деструкции и манипулированию общественным сознанием построено на междисциплинарной основе [Дускаева, 2017; Karabulatova, 2020; Копнина, 2020]. Стала активно разрабатываться лингвоконфликтология как самостоятельная научная дисциплина, в центре внимания которой находится язык вражды, ненависти, интеракции как глобального лингвокультурологического феномена [Голев, 2014].

При этом в масс-медийном дискурсе идет нарастание риторики ненависти к оппонентам с использованием ярлыков. Данный подход активно продвигается в коммуникативных стратегиях управления

«цветными революциями» в геополитическом пространстве стран идеологических противников со стороны Запада [Тлепцок, 2019; Шарп, 2005; Якунин, Багдасарян, Сулакшин, 2009] для нагнетания токсичности в общественном сознании [Сковородников, 2017].

Как указывают Н. В. Кольцова и Н. Л. Чулкина [Кольцова, 2017], российские и китайские респонденты в своих оценках богатства и бедности ориентируются на фоновые знания, заложенные в своей культуре, полагая, что тема «богатство-бедность» обладает повышенной конфликтогенностью в обществе, вызывая противоречивые оценки. Исследователи считают, что тема пенияфобии более болезненна для российских респондентов, чем для китайских респондентов. Однако мы полагаем, что данное утверждение вряд ли обоснованно, поскольку опросы проводились интервьюером, не включенным в китайский социум, поэтому оценки не могут быть релевантными. В поддержку нашей точки зрения выступают публикации китайских исследователей и блогеров о невозможности вступить в брак при отсутствии собственного жилья и дорогих подарков невесте и ее семье со стороны жениха (например, в виде автомобиля – за согласие встречаться), в связи с чем тема искоренения бедности стала ключевой для политики Китая [Мэй Чуньцай, 2021]. Аналогичные усилия прикладывает и руководство

Вьетнама [Ибрагимова, Нгуен Тхи Шао Ли, 2015; 2016], поскольку *«Бедность возглавляет проблемы вьетнамских граждан: отчет РАРІ за 2019 год»* (Vietnews.ru, 24 апреля 2020).

Китайская традиционная культура оценивает богатство не с позиции количества денег, а с позиции достатка продовольствия. Этот момент находит свое подтверждение в китайских народных пословицах: *«Груда золота не стоит кучи зерна», «Чем накапливать золото, лучше накапливать зерно»*. Как правило, бедняк обладает высокими моральными качествами в народной картине мира: *«Рисовая солома – много дыма; бедный человек – много мужества»*. В противовес образу бедняка богач труслив, жаден, бесчестен: *«Богач не заботится о чести»; «У богача лютное сердце»; «У скупого друзей не бывает», «У богача короткая память»; «Любящий богатство не заботится о чести»*.

«Поляризация» оценок по отношению к богатству и нищете проявляется в таких пословицах, как: *«Богатые живут за счет бедных, бедные – за счет своей работы»; «Богатый не знает трудностей бедного, сытый – мучений голодного»* (русский вариант *«Сытый голодного не разумеет»*); *«Бедность не прикроешь, богатство не скроешь»; «Беден – так не обманывай, богат – так не зазнавайся»; «Бедность не порок»; «Phú quý sinh lễ nghĩa. Богатство порождает це-*

ремении»; «Жоқтық ұят емес, Тоқтық мұрат емес. Бедность – не порок, Богатство – не предел мечты» [Церцвадзе, 2017; Чанг Тхи Тху Хыонг, 2021; Мысенко, 2011; Тимченко, 2013].

Пенияфобия ярко стигматизирована в казахской традиционной культуре [Узакова, 2014], хотя различные СМИ подчеркивают, что «Каждый третий работающий казахстанец – бедняк» (*Forbes.kz*, 25 ноября 2020). Однако сама бедность воспринимается как нечто само собой разумеющееся, что обусловлено влиянием традиционного кочевого образа жизни, находящегося в зависимости от погодных условий. В связи с этим появляется достаточно много публикаций: «Почему в Казахстане много бедных» (*Knews.kg*, 26 декабря 2020), «Как бороться с бедностью» (*Karavan.kz*, 10 марта 2022), «Почему казахстанцы живут бедно (соцпрос)» (*Voxropili.kz*, 5 февраля 2022). В какой-то степени отношение к бедности в Казахстане перекликается с трактовкой бедности во Вьетнаме: «Бедные, но не нищие: как живут сегодня рядовые вьетнамцы. Часть II» (*KFund.Media.com*, 27 марта 2018). Страны АТР снизили напряжение по проблеме нищеты, однако при этом появились новые социально-политические вызовы с высокой степенью конфликтогенности в обществе, обусловленные социально-экономическим неравенством, которое проявляется в дифференциации доходов, потребления, уровня обра-

зования, гендерного дисбаланса, региональной специфики.

Темы обеспечения продовольствием, водой, жильем, работой, деньгами являются животрепещущими для населения любой страны, поэтому пенияфобия (боязнь нищеты) активно эксплуатируется для нагнетания деструктивных настроений в обществе [Шубаева, 2017] в период психолого-информационных войн, так называемая «черная информация» [Горина, 2020], или «черный PR» [Подпятникова, 2011].

Следует отметить, что русскоязычные европейские и российские СМИ более категоричны, чем вьетнамские, казахские или китайские, что связано с преобладанием политики «мягкой силы» в странах Востока и Азии с использованием эвфемизмов [Лагуткина, 2021]. В свою очередь, политика «мягкой силы» опирается на особенности восточного менталитета [Кольцова, 2018] и принцип «держатъ лицо» в культурах народов АТР [Просеков, 2020]. Деструкция с эксплуатацией пенияфобии в обществе, как правило, направлена на дискредитацию конкурентов (как внутри страны, так за ее пределами, в том числе и самой страны в геополитическом контексте) и создание их ярко выраженного негативного образа у потенциального реципиента.

Заключение

Таким образом, пенияфобия становится одним из ведущих век-

торов в современной информационно-психологической войне, апеллируя к базовой потребности человека, провозглашенной еще в античное время, как «Хлеба и зрелищ!». Лингвокультурологические элементы деструктивного пениафобного контента в масс-медиа крайне слабо разработаны, однако они оказывают существенное влияние в геополитическом пространстве на имиджевые процессы как внутри страны, так и за ее пределами. Важной причиной протестных настроений 2020-2022 гг. стала тяжесть времени пандемии коронавируса COVID-19 в ее влиянии на экономическое благосостояние обычных людей, когда многие потеряли работу или их доходы значительно сократились. Пандемия обнажила социальные проблемы и «сильную усталость» разных социальных когорт от существующей социально-политической повестки дня, ухудшающейся под влиянием противостояния со странами Запада на фоне российско-украинского конфликта и усилением работы инструментов военной пропаганды.

Усиление пениафобных настроений нацелено на следующие целевые группы:

1. безработные, то есть те, кто потерял работу. Лишившись стабильного заработка, человек опасается потерять последние сбережения. Он физически ощущает приближение катастрофы, надвигающейся финансовой несостоятельно-

сти. Предчувствие нищеты разрушает личность, лишает воли;

2. внезапные банкроты, как однажды лишившиеся всего состояния. Эта группа включает в себя богатых людей. Неудачно вложив капитал, оставшись без средств к существованию, они выбираются из тяжелой ситуации, но мысли о повторении подобного опыта преследуют их постоянно. Для состоятельных людей лишиться денег и социального статуса – конец всему. Если ты беден, значит, ты не состоялся как личность, твое существование напрасно и бесцельно. А во времена экономического кризиса эти страхи обостряются;

3. социально успешные люди, выросшие в бедной семье. Они не хотят повторить судьбу родителей. Воспоминания о трудном детстве толкают к накопительству и нежеланию потратить лишнее. Хорошо, когда знаешь цену деньгам. Хуже, если их роль переоценивается. Почему молодые бедные студенты счастливы, а состоятельные люди зрелого возраста зачастую утратили вкус к жизни? Когда впереди целая вечность, то любые страхи притупляются. А если большая часть жизни прожита, понимаешь, что, потеряв все, уже не успеешь начать с нуля;

4. социально незащищенные группы населения, живущие на дотациях государства, понимающие, что они могут потерять даже то малое, что имеют.

Пениафобия продвигается в массмедиа АТР за счет эксплуата-

ции дихотомии «богатство – бедность» и связанных с ними ассоциаций с внутренним миром, знаниями и опытом. Векторы распространения пенияфобии: 1) социальные сети (открытые и закрытые группы, транслирующие различные виды запугивания населения на тему сокращения доходов, финансового кризиса, обвала цен (гречка стоит 200 рублей!) и вовлекающие в них людей, готовых оплатить просмотр и чтение такого контента, в том числе о возможных доходах, финансовых пирамидах на криптовалюте (Финико); форумы бизнес-консультантов, бизнес-тренеров и т. п. (как вектор распространения информации о «скором обогащении», о предстоящем скачке доллара, о выгодных инвестициях, о выгодной работе по мошенничеству через интернет используется Даркнет – сеть ресурсов, поддерживающая анонимность своих пользователей, телеграмм-каналы); 2) СМИ, которые публикуют оценочные тексты, комментарии о признаках надвигающегося экономического кризиса, чаще о том, что деньги стремительно обесцениваются, растет инфляция, какие огромные доходы имеют чиновники – эта тема особенно муссируется геополити-

ческими противниками и/или ангажированными ими СМИ.

Мишенью манипуляции фобией страха бедности могут являться все *три уровня реализации личности*: 1) *физиологический уровень* (в дискурс вовлечены жизнь, здоровье и материальное благополучие реципиента), 2) *социально-эволюционный уровень* (обсуждение проблемы несправедливого распределения доходов затрагивает вопросы мировоззрения и политических взглядов), 3) *прагматический уровень*, например, рост институтов в области повышения финансовой грамотности населения.

Фоновые знания о богатстве и бедности в культурах стран АТР используют психозащитный механизм адаптации к социально-экономической несправедливости, определяя богатство не как жизненно важную ценность, а как средство достижения благополучия. Боязнь нищеты сказывается и на взаимоотношениях с другими людьми, в том числе и близкими, усиливая социальную замкнутость, доводя человека до психопатологических состояний (чрезмерная подозрительность, стяжательство, эмоциональная холодность и т. д.), требующих уже медицинской специализированной помощи и коррекции.

Библиографический список

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / перевод с англ. В. Г. Николаева; под ред. С. П. Баньковской. Москва : Кучково поле, 2016. 413 с.

2. Бергер П. Л. Социальное конструирование реальности: трактат по социологическим знаниям / П. Л. Бергер, Т. Лукман. Москва : Московский Философский фонд, 1995. 322 с.
3. Борисова Г. А. Социальная деструкция как универсальный феномен жизни общества (позиция Франкфуртской школы) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. №25. С. 12-17.
6. Бурдые П. Социология социального пространства / перевод с французского; общ. пер. Н. А. Шматко. Санкт-Петербург : Алетейя, 2013. 288 с.
4. Галиева Р. Р. Лингвофилософский аспект категории деструктивности / Р. Р. Галиева, Ф. Г. Фаткуллина // Вестник Башкирск. ун-та. 2013. №1. С. 185-189.
5. Голев Н. Д. Лингвоконфликтология, или лингвистическая конфликтология / Н. Д. Голев, Н. В. Обелюнас // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под редакцией А. П. Сковородникова. Красноярск : Изд-во «Сибирский Федеральный университет», 2014. С. 279–280.
6. Гончарова Т. М. Средства массовой информации, политика и политическая репрезентация в эпоху постмодерна: социально-философский анализ. Красноярск : Филиал Московского психолого-социального университета в Красноярске, 2016. 160 с.
7. Горина Е. В. Коммуникативные технологии манипуляции в СМИ и вопросы информационной безопасности: учебно-методическое пособие. Москва : Флинта; Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2020. 63 с.
8. Демидова Т. А. Использование концепции С. Карпмана для исследования созависимых отношений / Т. А. Демидова, В. В. Сойко // Таврический журнал психиатрии. 2017. №1 (78). С. 33- 37.
9. Денисенко В. Н. Языковая личность как отражение социальной и этнической идентичности / В. Н. Денисенко, А. В. Денисенко, Е. Ю. Чеботарёва // Вопросы психолингвистики. 2016. №3 (29). С. 56-68.
10. Дускаева Л. Р. Современный русский язык. Языковые техники создания медиа текстов: практикум. 2-е издание, стереотипное. Москва : ФЛИНТА, 2017. 429 с.
11. Ефремова Д. Н. Нейропсихологическая дистанционная диагностика // Возрождение традиций : сборник статей по материалам научной конференции / Отв. редактор Н. В. Мазурова. Москва : Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2023. С. 67-70.
12. Ибрагимова З. Ф. Социально-экономическое неравенство населения Вьетнама: состояние и пути преодоления / З. Ф. Ибрагимова, Нгуен Тхи Шао Ли // Новый университет. Серия «Экономика и право». 2015. № 5(51). С. 59-62.
13. Ибрагимова З. Ф. Неравенство и бедность населения Вьетнама: тенденции и основные черты / З. Ф. Ибрагимова, Нгуен Тхи Шао Ли // Вестник Российского университета кооперации. 2016. № 3(25). С. 40-44.
14. Зарубина Н. Н. Деньги как социокультурный феномен. Москва : Анкил, 2011. 194 с.

15. Карабулатова И. С. Проблемы создания цифровой библиотеки для оценки потенциально опасных текстов (ПОТ) в современном новостном дискурсе // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта : сборник научных трудов Международного научного форума, посвященного Всемирному дню науки за мир и развитие. Москва : Изд-во РУДН, 2020. С. 3-12.
16. Карасик В. И. Языковая пластика общения. Москва : Гнозис, 2021. 533 с.
17. Кардашина С. В. Психометрические характеристики русскоязычной версии Опросника К. Томаса – Р. Килманна («Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument – tki-r») / С. В. Кардашина, Н. В. Шаньгина // Педагогическое образование в России. 2016. №11. С. 216-228.
18. Кольцова Н. В. Сопоставление концептуальных полей «Богатство / бедность» в китайской и русской лингвокультурах: анализ результатов ассоциативного эксперимента и социологического опроса / Н. В. Кольцова, Н. Л. Чулкина // Ценности и смыслы. 2018. №1. С. 17-33.
19. Кольцова Н. В. Сопоставление концептуальных полей «богатство/бедность» в китайской и русской лингвокультурах: анализ результатов ассоциативного эксперимента и социологического опроса / Н. В. Кольцова, Н. Л. Чулкина // Ценности и смыслы. 2017. № 1(53). С. 17–33.
20. Коровин В. М. Третья мировая сетевая война. Санкт-Петербург : Питер, 2014. 352 с.
21. Копнина Г. А. Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационно-психологической войне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том.13, Вып. 11. С. 248–253.
22. Копцева Н. П. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе : монография / Н. П. Копцева, Н. Н. Середкина. Красноярск : СФУ, 2013. 183 с.
23. Кошкарлова Н. Н. На пути к правде, ведущем ко лжи: феномен постправды в современной политической коммуникации / Н. Н. Кошкарлова, Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. 2019. №1. С. 50-56.
24. Лагуткина М. Д. Эвфемизмы в современном манипулятивном дискурсе СМИ / М. Д. Лагуткина, И. С. Карабулатова // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т.15, № 4 (44). С. 454-463.
25. Лысак И. В. Альтернативность в социальном развитии и фактор противоречия // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. № 3. С. 123-125.
26. Магомедов Н. Г. Лингвистические маркеры экстремизма // Kant. 2020. №1 (34). С. 151-155.
27. Маффесоли М. Околдованность мира или божественное социальное // Социологос. Москва : Прогресс, 1991. С. 274-283.
28. Мэй Чункай Опыт Китая в искоренении бедности // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. №3. С. 19-25. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-3-19-25.

29. Молодыхенко Е. Н. Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа // Общество. Коммуникация. Образование. 2017. №3. С. 122-133.
30. Мысенко О. М. Русские пословицы и поговорки о труде, бедности и богатстве как опровержение мифов о русской лени и неумении работать // Вестник ОГУ. 2011. №17 (136). С. 157-162.
31. Подпятникова Н. М. Современные технологии «Черного PR» // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. №5-1. С. 61-65.
32. Попова О. В. «Политика постправды» и популизм. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2018. 216 с.
33. Просеков С. А. «Лицо» китайца: содержание понятия // Знание. Понимание. Умение. 2020. №3. С. 191-201.
34. Пугачев В. П. Деструктивная деятельность в государственном управлении: теоретико-методологический аспект // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2014. №3. С. 3-22.
35. Репринцев А. В. Антропологическое измерение социальных реформ: от кризиса идентичности – к деструкции культуры этноса // Психолого-педагогический поиск. 2013. №1 (25). С. 26-39.
36. Рябченко Н. А. Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды / Н. А. Рябченко, В. В. Катермина, А. А. Гнедаш, О. П. Малышева. Москва: Флинта, 2021. 335 с.
37. Серто М. Изобретение повседневности / [пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной]. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 328 с.
38. Сквородников А. П. Лингвотоксичные явления в речи и языке / А. П. Сквородников, Г. А. Копнина // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 28-32.
39. Сорокин Ю. А. Стилистика дискомфорта и дискомфортная стилистика // Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. Москва: Гнозис, 2003. С. 141-151.
40. Сундиев И. Ю. Теория и технологии социальной деструкции: (на примере «цветных революций») / И. Ю. Сундиев, А. А. Смирнов. Москва: Русский биограф. ин-т: Ин-т экономических стратегий, 2016. 431 с.
41. Татарко А. Н. Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. Москва: Ин-т психологии РАН, 2014, 384 с.
42. Тимченко А. С. Образ купца-предпринимателя в китайских и русских пословицах и поговорках // Известия АлтГУ. 2013. №2 (78). С. 249-251.
43. Тлепцок Р. А. «Цветные революции»: теоретический концепт и политическая практика // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. №4 (249). С. 60-71.
44. Трошин А. А. Отбор ухудшающий // Прикладная культурология. Энциклопедия. Москва: Согласие, 2019. С. 356-361.

45. Узакова С. А. Особенности культурной самоидентификации в этнических казахских семьях // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. №2. С. 57-60.
46. Ху Цзядун Официальный сайт Посольства Республики Беларусь в Китайской Народной Республике как эффективный информационный ресурс цифровой публичной дипломатии // Беларуская думка. 2020. №3. С. 74–79.
47. Хуонг Тхи Тху Чанг Деструктивный экономический медиадискурс: опыт анализа русских и зарубежных СМИ / Хуонг Тхи Тху Чанг, К. Е. Барабошкин, А. Б. Нургазина // Медиалингвистика. 2023. № 10 (4). С. 554–567. DOI: 10.21638/spbu22.2023.407.
48. Чан Тхи Тху Хьонг Вьетнамские пословицы и поговорки и их русские аналоги // Sciences of Europe. 2021. 67. № 4. С. 36-47.
49. Цветкова Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Междунар. отношения. 2020. № 2. С. 37–47.
50. Церцвадзе М. Г. Выражение когнитивной оппозиции паремиях концептов «жадность» и «щедрость» в русской и казахской паремиях // Евразийский Союз Ученых. 2017. №12-3. 45. С. 31-33.
51. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловский. Москва : Новое издательство, 2005. 84 с.
52. Шубаева В. Г. Экономическое поведение молодых россиян в современных условиях: эмпирическое исследование / В. Г. Шубаева, В. Н. Наумов // Финансы и бизнес. 2017. №1. С. 94-103.
53. Якунин В. И. Новые технологии борьбы с российской государственностью : монография / В. И. Якунин, В. Э. Багдасарян, С. С. Сулакшин. Москва : Научный эксперт, 2009. 422 с.
54. Alison P. Galvani, Chris T. Bauch, Madhur Anand, Burton H. Singer, Simon A. (2016). Human–environment interactions in population and ecosystem health. PNAS, 113, 51, 14502-14506. <https://doi.org/10.1073/pnas.1618138113>.
55. Appadurai, A. (2021). How to kill a democracy. Social Anthropology, 29, 2, 303-310, <https://doi.org/10.1111/1469-8676.13041>.
56. Chandrappa, R., Bhusan Das, D. (2021). Public Health, Environmental Health – Theory and Practice, (219-255), (2021). <https://doi.org/10.1007/978-3-030-64480-2>.
57. Goldstein, A. (2021). Developing statizens: biometric technologies and digital identification, Social Anthropology, 13052, 29, 2, 349-352, <https://doi.org/10.1111/1469-8676>.
58. Karabulatova, I. S., Aipova, A. K., Butt, S. M., Amiridou, S. (2021). Linguocognitive conflict of digital and pre-digital thinking in online educational discourse during the pandemic: social danger or a new challenge? J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 14(10), 1517–1537. DOI: 10.17516/1997-1370-0836.
59. Vyselko, I. (2022). CULTURAL MEANINGS OF MEDIA SPACE: PHILOSOPHICAL ASPECTS. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2022 15 (4): 476-484. DOI: 10.17516/1997-1370-0033.

Reference list

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshhestva: razmyshlenija ob istokah i rasprostranenii nacionalizma = Imagined communities: reflections on the origine and spread of nationalism / perevod s angl. V. G. Nikolaeva ; pod red. S. P. Ban'kovskoj. Moskva : Kuchkovo pole, 2016. 413 s.
2. Berger P. L. Social'noe konstruirovanie real'nosti: traktat po sociologicheskim znanijam = Social construction of reality: a treatise on sociological knowledge / P. L. Berger, T. Lukman. Moskva : Moskovskij Filosofskij fond, 1995. 322 s.
3. Borisova G. A. Social'naja destrukcija kak universal'nyj fenomen zhizni obshhestva (pozicija Frankfurtskoj shkoly) = Social destruction as a universal phenomenon of social life (Frankfurt School position) // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2007. №25. S. 12-17.
6. Burd'e P. Sociologija social'nogo prostranstva = Sociology of social space / perevod s francuzskogo; obshh. per. N. A. Shmatko. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2013. 288 s.
4. Galieva R. R. Lingvofilosovskij aspekt kategorii destruktivnosti = Linguophilosophical aspect of the destructiveness category / R. R. Galieva, F. G. Fatkullina // Vestnik Bashkirsk. un-ta. 2013. №1. S. 185-189.
5. Golev N. D. Lingvokonfliktologija, ili lingvisticheskaja konfliktologija = Linguoconflictology, or linguistic conflictology / N. D. Golev, N. V. Obeljunas // Jeffektivnoe rechevoe obshhenie (bazovye kompetencii): slovar'-spravochnik, pod redakciej A. P. Skovorodnikova. Krasnojarsk : Izd-vo «Sibirskij Federal'nyj universitet», 2014. S. 279–280.
6. Goncharova T. M. Sredstva massovoj informacii, politika i politicheskaja reprezentacija v jepohu postmoderna: social'no-filosofskij analiz = Mass media, politics and political representation in the postmodern era: a socio-philosophical analysis. Krasnojarsk : Filial Moskovskogo psihologo-social'nogo universiteta v Krasnojarske, 2016. 160 s.
7. Gorina E. V. Kommunikativnye tehnologii manipuljacii v SMI i voprosy informacionnoj bezopasnosti = Communicative technologies of media manipulation and information security issues : uchebno-metodicheskoe posobie. Moskva : Flinta; Ekaterinburg : Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2020. 63 s.
8. Demidova T. A. Ispol'zovanie koncepcii S. Karpmana dlja issledovanija sozavisimyh otnoshenij = Using S. Karpman's concept to study codependent relationships / T. A. Demidova, V. V. Sojko // Tavricheskij zhurnal psihiatrii. 2017. №1 (78). S. 33- 37.
9. Denisenko V. N. Jazykovaja lichnost' kak otrazhenie social'noj i jetnicheskaj identichnosti = Linguistic personality as a reflection of social and ethnic identity / V. N. Denisenko, A. V. Denisenko, E. Ju. Chebotarjova // Voprosy psiholingvistiki. 2016. №3 (29). S. 56-68.
10. Duskaeva L. R. Sovremennyj russkij jazyk. Jazykovye tehniki sozdanija media tekstov = Language personality as a reflection of social and ethnic identity : praktikum. 2-e izdanie, stereotipnoe. Moskva : FLINTA, 2017. S. 234-235.
11. Efremova D. N. Nejropsihologicheskaja distancionnaja diagnostika // Vozrozhdenie tradicij = Neuropsychological distance diagnostics // Revival of traditions : sbornik statej po materialam nauchnoj konferencii / Otv. redaktor N. V. Ma-

zurova. Moskva : Izd-vo Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 2023. S. 67-70.

12. Ibragimova Z. F. Social'no-jekonomicheskoe neravenstvo naselenija V'etnama: sostojanie i puti preodolenija = Socio-economic inequality of the Vietnamese population: current state and ways of overcoming it / Z. F. Ibragimova, Nguen Thi Shao Li // Novyj universitet. Serija «Jekonomika i pravo». 2015. № 5(51). S. 59-62.

13. Ibragimova Z. F. Neravenstvo i bednost' naselenija V'etnama: tendencii i osnovnye cherty = Inequality and poverty of Vietnamese population: trends and main features / Z. F. Ibragimova, Nguen Thi Shao Li // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. 2016. № 3(25). S. 40-44.

14. Zarubina N. N. Den'gi kak sociokul'turnyj fenomen = Money as a sociocultural phenomenon. Moskva : Ankil, 2011. 194 s.

15. Karabulatova I. S. Problemy sozdaniya cifrovoj biblioteki dlja ocenki potencial'no opasnyh tekstov (POT) v sovremennom novostnom diskurse = Challenges of creating a digital library for assessing potentially dangerous texts (PDTs) in contemporary news discourse // Voprosy sovremennoj lingvistiki i izuchenija inostrannyh jazykov v jepohu iskusstvennogo intellekta : sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, posvjashhennogo Vsemirnomu dnju nauki za mir i razvitie. Moskva : Izd-vo RUDN, 2020. S. 3-12.

16. Karasik V. I. Jazykovaja plastika obshhenija = Linguistic plasticity of communication. Moskva : Gnozis, 2021. 533 s.

17. Kardashina S. V. Psihometricheskie harakteristiki russkojazychnoj versii Oprosnika K. Tomasa – R. Kilmanna («Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument – tki-r») = Psychometric characteristics of the Russian version of K. Thomas- R. Kilmann's Questionnaire. (Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument (tki-r) / S. V. Kardashina, N. V. Shan'gina // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2016. №11. S. 216-228.

18. Kol'cova N. V. Sopostavlenie konceptual'nyh polej «Bogatstvo / bednost'» v kitajskoj i russkoj lingvokul'turah: analiz rezul'tatov asociativnogo jeksperimenta i sociologicheskogo oprosa = Comparison of the conceptual fields “Wealth / Poverty” in Chinese and Russian linguocultures: analysis of the associative experiment and sociological survey results / N. V. Kol'cova, N. L. Chulkina // Cennosti i smysly. 2018. №1. S. 17-33.

19. Kol'cova N. V. Sopostavlenie konceptual'nyh polej «bogatstvo/bednost'» v kitajskoj i russkoj lingvokul'turah: analiz rezul'tatov asociativnogo jeksperimenta i sociologicheskogo oprosa = Comparison of the conceptual fields “Wealth / Poverty” in Chinese and Russian linguocultures: analysis of the associative experiment and sociological survey results / N. V. Kol'cova, N. L. Chulkina // Cennosti i smysly. 2017. № 1(53). S. 17–33.

20. Korovin V. M. Tret'ja mirovaja setevaja vojna = The Third World Net War. Sankt-Peterburg : Piter, 2014. 352 s.

21. Koptina G. A. Rechevoe soprotivlenie naveshivaniju politicheskikh jarlykov kak sposob zashhity v informacionno-psihologicheskoi vojne = Speech resistance to political labeling as a way of defense in information-psychological warfare // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. Tom.13, Vyp. 11. S. 248–253.

22. Kopceva N. P. Konstruirovanie pozitivnoj jetnicheskoj identichnosti v polikul'turnoj sisteme = Constructing positive ethnic identity in a multicultural system : monografija / N. P. Kopceva, N. N. Seredkina. Krasnojarsk : SFU, 2013. 183 s.

23. Koshkarova N. N. Na puti k pravde, vedushhem ko lzhi: fenomen postpravdy v sovremennoj politicheskoj kommunikacii = On the road to truth leading to lies: the phenomenon of post-truth in contemporary political communication / N. N. Koshkarova, N. B. Ruzhenceva // Politicheskaja lingvistika. 2019. №1. S. 50-56.

24. Lagutkina M. D. Jevfemizmy v sovremennom manipuljativnom diskurse SMI = Euphemisms in modern manipulative media discourse / M. D. Lagutkina, I. S. Karabulatova // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. T.15, № 4 (44). S. 454-463.

25. Lysak I. V. Al'ternativnost' v social'nom razvitii i faktor protivorechija = Alternativeness in social development and the contradiction factor // Medicina. Sociologija. Filosofija. Prikladnye issledovanija. 2019. № 3. S. 123-125.

26. Magomedov N. G. Lingvisticheskie markery jekstremizma = Extremism linguistic markers // Kant. 2020. №1 (34). S. 151-155.

27. Maffesoli M. Okoldovannost' mira ili bozhestvennoe social'noe = The spell-bound world or the divine social // Sociologos. Moskva : Progress, 1991. S. 274-283.

28. Mjej Chunkaj Opyt Kitaja v iskorenienii bednosti = China's experience in poverty eradication // Vostochnaja Azija: fakty I analitika. 2021. №3. S. 19-25. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-3-19-25.

29. Molodychenko E. N. Identichnost' I diskurs: ot social'noj teorii k praktike lingvisticheskogo analiza = Identity and discourse: from social theory to the linguistic analysis practice // Obshhestvo. Kommunikacija. Obrazovanie. 2017. №3. S. 122-133.

30. Mysenko O. M. Russkie posloviцы I pogovorki o trude, bednosti I bogatstve kak oproverzhenie mifov o russoj leni I neumenii rabotat' = Russian proverbs and sayings about labor, poverty and wealth refuting myths about Russian laziness and inability to work // Vestnik OGU. 2011. №17 (136). S. 157-162.

31. Podpjatnikova N. M. Sovremennye tehnologii «Chernogo PR» = Modern technologies of “Black PR” // Intellektual'nyj potencial XXI veka: stupeni poznaniya. 2011. №5-1. S. 61-65.

32. Popova O. V. «Politika postpravdy» I populizm = “The post-truth policy” and populism. Sankt-Peterburg : Skifija-print, 2018. 216 s.

33. Prosekov S. A. «Lico» kitajca: sodержanie ponjatija = The Chinese “Face”: the meaning of the concept // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2020. №3. S. 191-201.

34. Pugachev V. P. Destruktivnaja dejatel'nost' v gosudarstvennom upravlenii: teoretiko-metodologicheskij oncep = Destructive activity in public administration: theoretical and methodological aspects // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 21. Upravlenie (gosudarstvo I obshhestvo). 2014. №3. S. 3-22.

35. Reprincev A. V. Antropologicheskoe izmerenie social'nyh reform: ot krizisa identichnosti – k destruccio kul'tury jetnosa = Anthropological dimension of social reforms: from identity crisis to destruction of ethnic culture // Psihologo-pedagogicheskij poisk. 2013. №1 (25). S. 26-39.

36. Rjabchenko N. A. Modeli I praktiki upravlenija politicheskim kontentom v online-prostranstve sovremennyh gosudarstv v jepohu postpravdy = Models and prac-

tices of political content management in the online space of modern states in the post-truth era / N. A. Rjabchenko, V. V. Katermina, A. A. Gnedash, O. P. Malysheva. Moskva: Flinta, 2021, 335 s.

37. Serto M. Izobrenie povsednevnosti = The invention of everyday life / [per. S fr. D. Kalugina, N. Movninoj]. Sankt-Peterburg : Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2013. 328 s.

38. Skovorodnikov A. P. Lingvotoksichnye javlenija v rechi I jazyke = Linguotoxic phenomena in speech and language / A. P. Skovorodnikov, G. A. Kopnina // Mir ruskogo slova. 2017. № 3. S. 28-32.

39. Sorokin Ju. A. Stilistika diskomforta I diskomfortnaja stilistika = Stylistics of discomfort and uncomfortable stylistics // Perevodovedenie: status perevodchika I psihogermenevticheskie procedury. Moskva : Gnozis, 2003. S. 141-151.

40. Sundiev I. Ju. Teorija I tehnologii social'noj destrukcii: (na primere «cvetnyh revoljucij») = Theory and technologies of social destruction: (the case study of “color revolutions”) / I. Ju. Sundiev, A. A. Smirnov. Moskva : Russkij biogr. In-t: In-t jekonomicheskikh strategij, 2016. 431 s.

41. Tatarko A. N. Social'no-psihologicheskij kapital lichnosti v polikul'turnom obshhestve = Socio-psychological capital of personality in a multicultural society. Moskva : In-t psihologii RAN, 2014, 384 s.

42. Timchenko A. S. Obraz kupca-predprinimatelja v kitajskih I russkikh poslovicah I pogovorkah = The image of a merchant-entrepreneur in Chinese and Russian proverbs and sayings // Izvestija AltGU. 2013. №2 (78). S. 249-251.

43. Tlepcok R. A. «Cvetnye revoljucii»: teoreticheskij oncept I politicheskaja praktika = “Color revolutions”: theoretical concept and political practice // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija. 2019. №4 (249). S. 60-71.

44. Troshin A. A. Otorb uhudshajushhij = Selection degradation // Prikladnaja kul'turologija. Jenciklopedija. Moskva : Soglasie, 2019. S. 356-361.

45. Uzakova S. A. Osobennosti kul'turnoj samoidentifikacii v jetnicheskikh kazahskih sem'jah = Specifics of cultural self-identification in ethnic Kazakh families // Izv. Sarat. Un-ta Nov. ser. Ser. Sociologija. Politologija. 2014. №2. S. 57-60.

46. Hu Czjadun Oficial'nyj sajt Posol'stva Respubliki Belarus' v Kitajskoj Narodnoj Respublike kak jeffektivnyj informacionnyj resurs cifrovoj publichnoj diplomatii = The Official website of the Embassy of the Republic of Belarus in the People's Republic of China as an effective information resource of digital public diplomacy // Belaruskaja dumka. 2020. №3. S. 74-79.

47. Huong Thi Thu Chang Destruktivnyj jekonomicheskij mediadiskurs: opyt analiza russkikh I zarubezhnyh SMI = Destructive economic media discourse: experience in analyzing Russian and foreign media / Huong Thi Thu Chang, K. E. Baraboshkin, A. B. Nurgazina // Medialingvistika. 2023. № 10 (4). S. 554-567. DOI: 10.21638/spbu22.2023.407.

48. Chan Thi Thu Hyong V'etnamskie poslovicy I pogovorki I ih russkie analogi = Vietnamese proverbs and sayings and their Russian analogues // Sciences of Europe, 2021, 67, 4, 36-47.

49. Cvetkova N. A. Fenomen cifrovoj diplomatii v mezhdunarodnyh otnoshenijah I metodologija ego izuchenija = The digital diplomacy phenomenon in international relations and the methodology of its studying // Vestnik RGGU. Ser.: Politologija. Istorija. Mezhdunar. Otnoshenija. 2020. № 2. S. 37–47.

50. Cercvadze M. G. Vyrazhenie kognitivnoj oppozicii paremijah konceptov «zhadnost'» I «shhedrost'» v russkoj I kazahskoj paremijah = Expressing the cognitive opposition of the concepts “greed” and “generosity” in Russian and Kazakh proverbs // Evrazijskij Sojuz Uchenyh, 2017. №12-3. 45. S. 31-33.

51. Sharp D. Ot diktatury k demokratii: Strategija I taktika osvobozhdenija = From dictatorship to democracy: Strategies and tactics of liberation / Per. S angl. N. Kozlovskij. Moskva : Novoe izdatel'stvo, 2005. 84 s.

52. Shubaeva V. G. Jekonomicheskoe povedenie molodyh rossijan v sovremennyh uslovijah: jempiricheskoe issledovanie = Economic behavior of young Russians in the current situation: an empirical study / V. G. Shubaeva, V. N. Naumov // Finansy I biznes, 2017. №1. S. 94-103.

53. Jakunin V. I. Novye tehnologii bor'by s rossijskoj gosudarstvennost'ju = New technologies to fight Russian statehood : monografija / V. I. Jakunin, V. Je. Bagdasarjan, S. S. Sulakshin. Moskva : Nauchnyj jekspert, 2009. 422 s.

54. Alison P. Galvani, Chris T. Bauch, Madhur Anand, Burton H. Singer, Simon A. (2016). Human–environment interactions in population and ecosystem health. PHASE, 113, 51, 14502-14506. <https://doi.org/10.1073/pnas.1618138113>.

55. Appadurai, A. (2021). How to kill a democracy. Social Anthropology, 29, 2, 303-310, <https://doi.org/10.1111/1469-8676.13041>.

56. Chandrappa, R., Bhusan Das, D. (2021). Public Health, Environmental Health – Theory and Practice, (219-255), (2021). <https://doi.org/10.1007/978-3-030-64480-2>.

57. Goldstein, A. (2021). Developing statizens: biometric technologies and digital identification, Social Anthropology, 13052, 29, 2, 349-352, <https://doi.org/10.1111/1469-8676>.

58. Karabulatova, I. S., Aipova, A. K., Butt, S. M., Amiridou, S. (2021). Linguocognitive conflict of digital and pre-digital thinking in online educational discourse during the pandemic: social danger or a new challenge? J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci., 14(10), 1517–1537. DOI: 10.17516/1997-1370-0836.

59. Vyselko, I. (2022). CULTURAL MEANINGS OF MEDIA SPACE: PHILOSOPHICAL ASPECTS. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2022 15 (4): 476-484. DOI: 10.17516/1997-1370-0033.

Статья поступила в редакцию 20.04.2024; одобрена после рецензирования 09.05.2024; принята к публикации 20.05.2024.

The article was submitted on 20.04.2024; approved after reviewing 09.05.2024; accepted for publication on 20.05.2024